

ПРОЛОГ

Чудесны старые московские переулки. Короткие, в один-два дома, и длинные, походящие на быстро закончившиеся улицы; извивающиеся, как кудри красотки, и прямые, острым стилетом; умиротворённые раскидистыми деревьями и закованные в бетон и кирпич... Сплетение старинных переулков, незаметно переходящих один в другой, сливающихся с улицами и вытекающих из них уже с другим именем, а то превращающихся в тупички, из которых, кажется, нет никакого выхода... Древний московский центр формирует неповторимый узор прекрасных зданий и таинственных ощущений, которые, кажется, только усиливаются благодаря смешению совершенно несочетаемых строений, которыми на протяжении ста последних лет разрывали ткань старого города архитектурные психопаты. Двухэтажные торговые домики соседствуют со стеклянными фасадами офисных центров; доходные дома — с уродливым бетоном бездарнейших архитекторов семидесятых годов XX столетия, которым следовало бы проектировать всемирную штаб-квартиру Цирка уродов, а не столицу прекрасной страны.

Старые московские переулки чудесны... и таинственны.

И не только по ночам, когда в тенях нечастых фонарей невозможные образы рождаются на каждом шагу и всё вокруг становится иным, но и вечерами, когда кисточка сумрака проходит по Москве первыми мазками, постепенно смывая будничные краски дня с облика

Тайного Города. Ещё более древнего и загадочного, чем русская столица. Жизнь в нём кипела и при солнечном свете, однако тени аккуратно вырезали Город из полотна обыденности, и порой получалось так, что разглядеть его истинное лицо можно было даже без «различителя», позволяющего тем, кто не владел магией, видеть сквозь морок...

Разглядеть то, что в действительности происходит в таинственных московских переулках... тупичках... и дворах...

Зачем, к примеру, так долго не уезжает на заслуженный ночной отдых мобильная кофейня «Весёлое утро»? Хотя сегодняшнее утро давным-давно осталось в стрелках часов, а сидящий на раскладном стульчике владелец — или служащий? — подвижного заведения не выглядел особенно весёлым. Это был худощавый черноволосый парень лет двадцати, обыкновенно одетый — джинсы, кроссовки, футболка, — а отсутствие на его лице признаков веселья объяснялось тем, что продавец был полностью поглощён чтением бумажной книги, на суперобложке которой любопытствующие могли с лёгкостью прочесть название: «Как правильно смотреть на мир не открывая глаз?» Читал он внимательно, периодически делая пометки карандашом и крайне редко отвлекаясь на работу — только если подходили новые клиенты. А постоянные знали правила: либо клали в ящик наличные, сами выбирая из неё сдачу, либо скидывали деньги на карточку, после чего брали бумажные стаканчики и нажимали на нужную кнопку. Если судить по количеству постоянных клиентов, кофе черноволосый любитель книг готовил отменный, дополнительным плюсом служил огромный выбор специй, вызывающий не только удивление, но и подозрения у служителей закона, из-за чего мобильную кофейню не реже одного раза в день обнюхивала натасканная на наркотики соба-

ка из ближайшего полицейского участка — просто проходя мимо. Собаку продавец знал и всегда угощал печеньем, собака печенье принимала, но обнюхивала специи тщательно. В итоге все оставались довольны.

Незадолго до полуночи поток клиентов изрядно оскудел. Читать тоже стало неудобно, несмотря на то, что парень включил настольную лампу как только стало темнеть, поэтому он отложил книгу, проверил состояние счёта, затем оглядел коробку с деньгами, удовлетворённо хмыкнул, поднялся, потянулся и... улыбнулся проходящей мимо девушке. Худенькой и востроносой, которая медленно шла по переулку, разглядывая дома. По «Весёлому утру» она скользнула равнодушным взглядом, однако задержалась, услышав:

— Последний стаканчик лучшего кофе в городе, красавица! Неужели вы пройдёте мимо?

Проведя весь день за книгой, продавец изрядно заскучал и был не прочь пообщаться. Девушка, в свою очередь, хоть и остановилась, но промолчала, глядя на парня так, словно не понимала, чего он хочет. Или же пыталась понять, хочет ли кофе.

— Существует распространённое заблуждение, что пить кофе следует только по утрам — для бодрости, но поверьте: это полная ерунда. В моём чудесном заведении можно выбрать любую из невероятного количества специй, которые не только придадут вашему кофе новый вкус — либо подчеркнут его собственный, — но позволят взбодриться или расслабиться, немного успокоиться или развеселиться, незаметно и быстро заснуть или оставаться на ногах до утра. Всё зависит от ваших планов на вечер. Вы, кстати, уже решили, где мы будем ужинать?

— Я не голодна, — коротко ответила девушка. После чего медленно подошла к кофейне и попросила: — Чёрный, без сахара, средний стакан.

Чем изрядно воодушевила продавца.

— В таком случае рекомендую посыпать ваш кофе порошком аппетита. Бывает так, что мы сильно устаём за день, или жара, или депрессия, во время которой ничего не хочется, но есть, как вы понимаете, надо. Щепотка этого порошка... — Парень кивнул на баночку с чем-то розоватым. — Не только сделает вкус напитка утончённым, но и напомнит организму, что пора ужинать. А что может быть лучше ужина в моей компании?

— Я не голодна, потому что только что перекусила, — улыbnулась девушка.

— И здесь вам поможет смесь «Лёгкость»...

— Хинус, ты по-прежнему барыжишь дурью собственного приготовления?

— Чтоб вас Спящий к проктологу отправил, — едва слышно пробормотал продавец.

Он не испугался, но было видно, что появление троицы мощных молодых ребят — все они были рыжими, только разных оттенков — парня не обрадовало.

— Вы знаете, что это не дурь, — громко ответил он, не оборачиваясь, и тихо сказал девушке: — Вам лучше уйти.

И услышал совершенно неожиданный ответ:

— Я жду кофе. С «Лёгкостью».

Неожиданный и совершенно спокойный. Услышал, но удивиться ему так, как должен был, не успел — рыжие подошли к кофейне, и их вожак осведомился:

— Что за девчонка?

— Левая, — ответил Хинус.

— Пусть уйдёт.

— Я жду кофе, — ровно повторила востроносая.

— Дерзкая, — сказал второй рыжий.

— Смелая, — не согласился с ним третий.

Они посмотрели на вожака, а вожак неожиданно сказал:

— Мы подождём. — Дав понять, что «дело» у него только к продавцу, а трогать девчонку, которую он решил считать смелой, а не дерзкой, не собирается. Его приятели с решением согласились — молча, а востроносая — нет. И с прежним спокойствием сказала:

— Нет, вы уйдёте. Мы с Хинусом собирались поужинать.

На несколько мгновений вокруг кофейни воцарилась тишина, после чего вожак с улыбкой предложил:

— Поужинаете, когда он выйдет из больницы.

— Нет, сегодня.

Рыжие заулыбались, а второй спросил продавца:

— Так она «левая» или нет?

— Только не надо мне указывать, кому назначать свидания.

— То есть мы не вовремя?

— В общем, да.

Тем временем автомат пискнул, и все посмотрели на готовый кофе.

— Щепотку «Лёгкости», — напомнила девушка.

— Да у тебя не нервы, а стальные канаты, — с уважением произнёс вожак.

— У меня их вообще нет, — ответила востроносая, наблюдая за тем, как Хинус исполняет её просьбу. Руки у парня не дрожали.

— Ну, это ты себе льстишь, конечно, — улыбнулся второй. — Просто они у тебя крепкие.

— Просто вы не знаете того, что знаю я, — улыбнулась девушка. — Вам известны лишь классические формы организмов, да и то не вам, а Хинусу, который зубрил их много лет подряд. Он бы мог вам рассказать, что даже в нынешней версии природы существуют лишённые нервной системы организмы, однако им недоступна высшая деятельность. Но повторюсь: это связано всего лишь с недостатком знаний и отсутствием образ-

цов для исследований. С другой стороны, вам проще и легче предположить, что я уверена в себе и в том, что вы либо сделаете то, о чём я попросила, либо...

— Либо что?

— Откуда ты знаешь, что я учусь на доктора?

— Что это за девчонка?

— И половинку ложечки сахара, пожалуйста.

— Конечно. — Окончательно растерявшийся Хинус положил в стакан сахар и размешал.

— Просто уходи, — попросил вожак и легко прикоснулся к плечу девушки.

Он действительно не хотел ничего плохого, просто чуть усилить давление, чтобы незнакомка поняла, что шутки закончились и ей тут делать нечего. Не хотел. Поэтому и с ним ничего особенно дурного не произошло — вожак просто отлетел на три ярда в сторону и врезался спиной в стену дома.

— Ого!

Это воскликнул Хинус. В принципе, оставшиеся на ногах рыжие тоже могли издать какие-то звуки, но не успели: отбросив главного, востроносая мгновенно повернулась и столкнула их головами. Повернулась, одновременно разведя в стороны руки, схватила парней за головы и врезала друг в друга. Учитывая, что рыжие стояли в паре ярдов друг от друга, а ростом девушка едва дотягивала парням до плеч, как она сумела повернуть этот фокус, было абсолютно непонятно. А заметить Хинус не успел, потому что повернула она его с невероятной скоростью: повернулась — стук голов — повернулась и улыбнулась:

— Это мой кофе?

— Да, — кивнул парень.

— Спасибо. — Она взяла стакан. — Извини, но с ужином не получится.

— Я... я понимаю.

— А тебе, наверное, лучше уехать.

— А они?

— Скоро очнутся, — пожала плечами востроносая. — Рыжие крепкие, да и по башке получать привычные. — Сделала маленький глоток и кивнула: — Очень хороший.

— Спасибо. — Хинус кашлянул. — Кофе это у меня хобби, и чтобы смеси придумывать разные, ну и так, для денег... Я ведь на врача учусь.

— Я видела, что написано в твоей книге.

— На обложке?

— Нет, внутри. — Девушка вновь улыбнулась, неожиданно потянулась, поцеловала Хинуса в щёку и сделала шаг назад. — Пока.

— Кто ты? — выпалил он.

И услышал:

— Ангел.

— Как тебя зовут?

— Крода! — Девушка тихонько рассмеялась и свернула за угол, оставив парня растерянно разглядывать оглушённых рыжих.

ГЛАВА 1

«Как стало известно нашей редакции, в связи с участвовавшими случаями вандализма федеральное Министерство внутренних дел разослало по всем регионам особое предписание, требующее провести проверку находящихся в зоне ответственности территориальных полицейских управлений кладбищ и принять дополнительные меры по охране...» («РБК»)

«Так что же случилось в подземельях Солянки, за что был арестован центур Машар — один из высших офицеров Внутренней Агемы, куда исчезла Джера и что будет дальше? Об этом поговорим сегодня с лучшими аналитиками Тайного Города, временно находящимися за его пределами...» («MG online»)

«Расследование событий «ночи MG» продолжается, и виновным в совершении преступлений предъявляются обвинения. Вчера были задержаны два молодых люда, подозреваемых в нападении на факторов Внутренней Агемы, а сегодня утром стало известно об аресте Клемента Луминара, видного представителя семьи Масан, обвиняемого в безосновательном убийстве трёх протестующих...» («Тиградком»)

*Межотраслевая генно-седативная лаборатория
корпускулярных технологий ФПП
Москва, Малый Власьевский переулок*

Чудесны старые московские переулки и особенно — в самой глубине своих эклектичных переплетений, прогуливаясь по одному из которых можно полюбоваться зданием, исполненным высоким сталинским стилем, пройти мимо прямоугольника многоквартирного жилого дома и наткнуться на прекрасно сохранившийся особняк XIX века. Пусть старый, но ухоженный, не подвергнутый ни лубочному обновлению, превращающему благородный хлеб в яркие и потому кажущиеся ненастоящими пряники; ни варварской перестройке ради «сохранения исторического фасада», после которого над прекрасным домом вырастает злокачественная опухоль современной башни. Особняк сохранился и продолжал спокойно жить на своём месте в бурную эпоху целенаправленного уничтожения памятников архитектуры, и в этом, возможно, ему помогла принадлежность к странной организации, о чём говорила бронзовая табличка справа от входной двери:

МЕЖОТРАСЛЕВАЯ
ГЕННО-СЕДАТИВНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
КОРПУСКУЛЯРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ФПП

Судя по тому, что особняк не только сохранился, но и не перешёл в собственность какого-нибудь приватизатора, ФПП зорко следила за сохранностью своей лаборатории. Хотя в действительности никакого ФПП никогда не существовало, а сокращение изобретатель таблички — Леонид «Тыжеумер» Клопицкий, просто выдумал, чтобы поставить жирную точку в тексте... Все остальные слова которого он тоже придумал.

Лёня был величайшим артефактором в истории Тайного Города, заслуги которого признавали даже Великие Дома. И даже — эталонным артефактором, поскольку ничего, кроме как изготавливать магические устройства, он делать не умел, зато их создавал виртуозно. И дом свой, постепенно, шаг за шагом, превратил в один гигантский, неимоверно сложный артефакт, в задачу которого входило... всё. Абсолютно всё, начиная от потока импульсивному хозяину и заканчивая его защитой.

С чем дом однажды не справился...

И в целом полностью соответствовал Тыжеумеру, представляя собой нечто среднее между выставкой новейших достижений в создании артефактов, смешного ярмарочного аттракциона с непредсказуемыми последствиями и ловушками для кроликов.

Лиссет Кумар, юная шаса, первая и последняя ученица Клопицкого, которой дом достался по наследству, не стала в нём ничего менять — просто не нашла в себе сил, — и потому жители Тайного Города вели себя в обители артефактора с привычной осторожностью. Старались ничего не трогать, взглядом ни с чем и ни с кем не встречаться, а кричать — только шёпотом.

— Лисс! — негромко позвал Хинус, приоткрыв входную дверь, но не рискуя входить в большой холл. — Лисс, это я!

— Я! — отозвался дом. — Я! Я?

— Я, — зачем-то уточнил юноша.

— Я, я, я... — подтвердило эхо.

А когда оно растаяло, в доме вновь стало тихо-тихо, словно Хинус и не думал тревожить его своим шёпотом.

— Опять то же самое, — пробормотал юноша, делая маленький шаг вперёд. И замер, услышав, как захлопнулась входная дверь. Хотел выругаться, но не успел, оказавшись в полной темноте, и вместо тихой, но крепкой ругани из него вырвалось тоскливое: — Лисс...

— Свежее мясо! Свежее мясо!

Возбуждённое восклицание заставило Хинуса подпрыгнуть и попытаться прижаться к стене, но в темноте юноша перепутал направление, шагнул не в ту сторону и едва не упал.

— Свежее мясо! — Мимо Хинуса промчалась изрядных размеров крыса в ночном колпаке и распахнутом халате. В левой передней лапе крыса держала фонарь, а в правой металлическую миску с надписью «Mickey Rat», которой и позвякивала, периодически стуча ею о плитку пола. — Свежее мясо!

— Проклятье...

— А что ты хотел — время ужина, — громко сказал кто-то прямо на ухо юноше, заставив его подпрыгнуть повторно.

— Кто здесь?

— О чём ты сейчас подумал?

— Ты что, психотерапевт?

— Нужна кушетка?

— Это безумие какое-то.

— Да, я — психотерапевт.

— Киви, перестань издеваться над моими друзьями!

— Лисс! — взвыл несчастный. — Лисс, пожалуйста, прекрати всё это и спаси меня!

— Хинус, успокойся, ты в моём доме! Здесь тебе ничего не грозит.

— Я бы не был в этом так уверен, — не согласился прежний голос.

— Киви! Кому сказала!

На этот раз в голосе девушки звякнул такой металл, что Киви пришлось подчиниться. Свет неожиданно включился, резанув по глазам, и Хинус обнаружил себя на телефонной тумбочке, нежно прижимающим к груди чучело крупного белого попугая. Впрочем, чучелом юноша считал птицу недолго. Ровно до тех пор, пока попугай не завопил:

— Обнимашки!

После чего Хинус выпустил птицу и выругался, узнав гремевший в темноте голос.

— Скотина.

— Что ты делаешь на тумбочке? — поинтересовалась Лисс.

— И куда ты дел телефон? — поддакнул Киви.

— Телефона там никогда не было.

— Когда-то был, только его во что-то переделали...

Не помню во что.

— Хорошо же ты встречаешь друзей, — пробурчал Хинус, спускаясь с тумбочки.

— Надо было предупредить о визите, — вздохнула девушка.

— Я был неподалёку и решил заскочить, угостить тебя кофе.

— Это он только что приехал на уродливой тачке, которая с утра стоит под окнами, — сообщила наглая птица. — И портит вид на город.

— На переулок, — поправила его Лисс.

— Разве это не город?

Девушка махнула рукой, показав, что давно перестала надеяться переспорить попугая, и обратилась к другу:

— Ты купил мне кофе?

— Сам сварил, — гордо ответил Хинус. — У меня ведь своя мобильная кофейня! Забыла?

— Ты не говорил.

— Пару месяцев как.

— Зачем?

— Во-первых, лёгкие карманные деньги. Во-вторых, тренируюсь создавать сухие смеси. У меня экзамен скоро.

Хинус был эрлийцем, то есть потомственным врачом, но поскольку его семья, Эрли, так же, как и Шась — семья Лиссет Кумар, были подданными Тёмно-

го Двора, Хинус отличался здоровым прагматизмом: зачем просто так делать смеси, если их можно продавать? То есть проверять результат не на себе и не бесплатно.

— Нет, не наркотики, если ты вдруг подумала, просто разнообразные добавки в кофе.

— Собирается стать крупным поставщиком БАДов, — прокомментировал Киви. — Создаст стартап, устроит шумиху, продастся крупной корпорации и уедет жить на Фиджи.

— Почему на Фиджи? — не понял Хинус.

— А почему нет? — вопросом на вопрос ответила птица. — Все вы только и думаете, как побыстрее свалить на Фиджи.

Несколько мгновений эрлиец смотрел попугаю в глаза, понял, что не пересмотрит, и перевёл взгляд на Лисс:

— Он не кусается? У моего дяди тоже ара, так он из меня однажды кусок мяса вырвал.

— Просто так вырвал? — скрипучим голосом осведомилась птица.

— Просто так, — подтвердил Хинус, не глядя на него.

— Дразнил небось?

— Ну... я маленький был.

— Ты с тех пор мало изменился, — сообщил попугай. — А за дразнилки я бы тебя так заклевал...

— Нет, Киви не кусается. — Лисс выразительно посмотрела на птицу. — Он вообще чучело.

Птица ответила не менее выразительным взглядом и воинственно подняла гребень. Но решила не молчать и осведомилась:

— А где кофе?

Хинус посмотрел на пустые руки и улыбнулся:

— Ну, могу сделать. Я ведь не знал, какой тебе захочется.

— Никакого, — мягко ответила Лисс и взяла юношу за руку. — Пойдём в гостиную.

И устроившись в кресле напротив плюхнувшегося на диван эрлийца, продолжила:

— Я редко пью по вечерам кофе.

— Я могу добавить щепотку одного порошка...

— Обойдёмся без твоих порошков. Просто скажи, зачем приехал?

— И не ври мне тут, — добавил попугай, устраиваясь на вделанной в стену жёрдочке — посадочных мест по дому было рассыпано в достатке.

— Он будет слушать наш разговор? — нахмурился юноша.

— Я могу его выгнать, но он всё равно подслушает.

Хинус посмотрел на Киви, Киви пожал крыльями и принял самый дружелюбный вид из всех ему доступных.

— Ладно, — сдался эрлиец. — Ну... у меня действительно есть пара дел.

— Не стесняйся.

— Первое связано с моим нынешним бизнесом.

— Прости, но я ничего не понимаю ни в смесях, ни в кофейном рынке, — вновь улыбнулась Лиссет.

— Мне нужна другая помощь.

— Какая?

— Дело в том, что я... — Хинус бросил взгляд на попугая, вздохнул, окончательно смирившись с его присутствием, и продолжил: — Дело в том, что есть трое рыжих, которые...

— Достают? — негромко спросила девушка, поняв, что эрлийцу трудно просить о подобной помощи.

— Очень.

— Они из Агемы?

— Нет, просто хулиганы, которые решили, что стало можно.

Созданный Консулом Альянс изменил расстановку сил в Тайном Городе. Навы, основатели Тёмного Двора, под защитой которых эрлийцы, шасы и прочие вас-

сальные семьи чувствовали себя в полной безопасности, заперлись в Цитадели. Они помогали Соппротивлению всем чем могли, но сами штаб-квартиру не покидали из опасения услышать «слово князя» и стать его верным подданным. И в их отсутствии активизировались те, кто по тем или иным причинам принял Альянс — они упрекали вассальные семьи тёмных в «ненужном» со-противлении, и хулиганы, которые просто пользовались удобным случаем обидеть или оскорбить, зная, что им за это ничего не будет. Хулиганами чаще всего становились глуповатые юнцы.

— И что ты от меня хочешь?

— Артефакт для защиты.

— Боевой?

Просьбу Хинус выдохнул весьма жёстким тоном, а услышав логичный и более чем обоснованный в данной ситуации вопрос, неожиданно стушевался, вернувшись к прежней неуверенности.

— Но они ведь ничего такого не применяют, просто...

— Достают.

— Да.

— Хочешь проучить их в ответ? — медленно спросила девушка.

— Да.

— А ты уверен, что после того, как ты их проучишь, без членовредительства, конечно, они не поднимут ставки? И в следующий раз тебе понадобится боевой артефакт?

— Думаю, я сумею им воспользоваться, — неожиданно ответил Хинус. И Лисс поняла, что сумеет, — после «ночи МГ» её друзья стали жёстче. Однако это был не тот ответ, на который она рассчитывала, поэтому девушка задала следующий вопрос:

— А кто из вас сумеет раньше?

И так заставила эрлийца задуматься.

- Напоминаешь, что они лучше подготовлены?
- Они действительно лучше подготовлены.
- Я знаю. — Хинус тяжело вздохнул. — И что мне делать? Терпеть?
- Позови ребят из «Михельсона» и обязательно чуда, — предложила Лисс. — Покажи хулиганам, что ты не один.
- Подраться с ними?
- Нет, поговорить. Подраться — если потребуется, но в первую очередь поговорить. Пусть они увидят, что ты не один. Пусть поймут, насколько отвратительно их поведение.
- Думаешь, сработает? — неуверенно спросил эрлиец.
- Надеюсь, что сработает.
- Или твои дружки им наваляют, — встрял в разговор Киви. — Если хулиганов трое, то позови шестерых.
- Вижу, ты в этом разбираешься, — съязвил Хинус. Попытался съязвить.
- Я тоже был маленьким, — ответил попугай и разинул клюв в улыбке. В смысле, он просто разинул клюв, но эрлиец был уверен, что птица улыбается.
- И вновь посмотрел на девушку:
- Спасибо, Лисс, я подумаю над твоим предложением... Оно кажется правильным.
- Обращайся. — Шаса откинулась на спинку кресла. — Чаю попьём? Или ты уже уезжаешь?
- Она догадывалась, что не уезжает, что история о хулиганах нужна была парню для того, чтобы перейти к настоящему разговору, и не ошиблась:
- Я хотел поговорить о «Михельсоне», о том, что там происходит.
- А что там происходит? — ровным голосом поинтересовалась девушка.
- Все затаились и ждут, что будешь делать ты.

— Почему я?

— А кто?

Ну, да, всё верно — она. Точнее, не только она: все ждут, как поведут себя после «ночи МГ» и событий на Солянке Лисс и Джира. Бри для участников Сопротивления пока оставалась в тени, а вот шаса и боевая ведьма засветились очень сильно. Джира ярче — она стала настоящим знаменем Сопротивления для всего Тайного Города, открыто бросив вызов Консулу. А Лиссет... Лиссет, так уж получилось, стала неформальным лидером «Михельсона», где собирались молодые противники Альянса. Лисс призывала их к активным действиям, а теперь заперлась в доме и вот уже два дня не кажет нос на улицу.

И дождалась гонца.

От тех, кто ей поверил.

От тех, кто рискнул.

От тех, чьи друзья погибли в «ночи МГ».

Они хотели знать, что дальше. А она... она не могла сказать, что сама не знает, что дальше, потому что получила от Консула полное прощение. Одноразовое, но полное, стоившее ей так много, что лучше было бы умереть там, в подземельях Солянки, чем знать, что ради её спасения Дориан пожертвовал собой.

Но получилось так, как получилось: Дориан пожертвовал собой, она получила прощение и теперь... и теперь не высовывается на улицу, потому что слово Консула крепко, но слово прозвучало так: полное прощение за всё, что Лисс совершила до разговора в подземелье. Любое следующее преступление будет жестоко наказано. Вот она и сидит в доме... Не зная, что делать дальше. И пытаясь разобраться, что она сейчас: испугалась и спряталась? Или затаилась? Хочет ли войны или два суровых испытания: «ночь МГ» и сражение в подземельях Солянки наглядно продемонстрировали ей хрупкость, а

главное — ценность жизни. Не только её собственной, но и жизни друзей, которых она призывала к сопротивлению.

К войне...

И призывала так хорошо, что они, кажется, готовы продолжать и прислали к ней гонца... Конечно, прислали, они ведь не знают про её договорённость с Консулом.

Точнее, про договорённость Дориана, которому Консул почему-то решил сохранить жизнь и предложил сдаться в обмен на полное прощение любимой.

«Дориан...»

— Многие уехали из Города, — продолжал тем временем Хинус. — Ну, в основном те, кто был замешан в убийствах факторов Агемы. Ты ведь слышала, что Консул приказал массово применять при расследовании «поцелуй русалки»?

— Да, слышала.

— Я не имею ничего против того, чтобы целоваться с блондинками, но «поцелуй» гарантированно вскрывает правду...

И нет никакой защиты, ни обычной, ни магической, даже у сверхмощного колдуна: если зелёная ведьма вцепится в твои губы — ты расскажешь всё, что она захочет знать. И расскажешь искренне. А за убийство фактора предусматривалось одно наказание — смерть.

— А что остальные ребята? Те, что остались?

— Консул сказал, что страница «ночь МГ» перевёрнута, и не станет преследовать тех, кто просто выражал недовольство появлением Альянса... Как он уточнил: «были обмануты пропагандой»... Ты что, вообще новости не смотрела?

— Прости, нет. Не было желания на это смотреть.

Ответ вызвал понятное удивление:

— Понимаю, но...

Однако Лисс поспешила перебить юношу:

— Вы поверили обещаниям Консула?

— А что нам остаётся? — развёл руками Хинус.

Действительно, что?

Случившееся приказано считать естественным эмоциональным всплеском. Гормоны заиграли, потянули на подвиги, потребовали срочного самовыражения, плюс подключились умелые пропагандисты Тёмного Двора, и всё покатилося снежным комом. Выступление получилось кровавым, утреннее похмелье — тяжёлым, захват участников и непонятные для большинства жителей Тайного Города события в подземельях Солянки — страшными, и все ждали, что будет дальше.

А дальше наступила тишина.

Случившееся приказано считать естественным эмоциональным всплеском.

И все почувствовали облегчение. Не сразу, но почувствовали. И те, кто не был причастен к смерти факторов Внутренней Агемы, этому порадовались. И этот результат был самым важным — они обрадовались тому, что «не потеряли голову». Обрадовались возможности «жить нормальной жизнью».

— Не обидишься, если я спрошу... — Хинус помялся. — Ты что, боишься выходить из дома?

— Мне нужно подумать и решить, что делать дальше.

— Так я и подумал, — кивнул эрлиец. — А что говорит Джиря?

— Мы не виделись... и не разговаривали.

— Она тоже спряталась?

Киви щёлкнул клювом и выразительно посмотрел на Лисс. Но девушка и сама знала, что настало время ответить максимально чётко и по делу. И твёрдо ответила:

— Хинус, будем откровенны: наша атака провалилась, Консул показал силу, показал, что не будет колебаться в её применении, но одновременно готов к разумным компромиссам. Он действует очень грамотно.

Впрочем, ничего другого от него ждать не приходится: не будь Консул умным, не сумел бы свалить два Великих Дома и запереть в Цитадели третий.

— Что это значит? — растерялся юноша. — Нам нужно отступить? Сдаться?

— Это значит, что к следующему разу нужно тщательно подготовиться, потому что больше он нас прощать не станет.

В этом Лисс была уверена на сто процентов.

— То есть следующий раз будет? — сообразил Хинус. — Мы не сдаёмся?

— Навы по-прежнему сидят в Цитадели. Великий магистр Ордена скрывается. Многие высшие маги покинули Тайный Город и наверняка связались друг с другом, обсуждая дальнейшие шаги. Тайный Город — их дом, Тайный Город — наш дом, и я не сомневаюсь в том, что Консулу будет брошен вызов. Так что да, Хинус, ещё ничего не закончено и следующий раз обязательно будет.

— И ты предлагаешь ждать?

— Я предлагаю не торопиться.

— Ребятам это не понравится.

— Ребятам нужно проявить благоразумие.

— Ты стала говорить, как родители. Раньше ты такой не была.

Да, раньше Лисс говорила совсем иные слова. Но теперь многое поменялось, и сделка с Консулом была лишь одной из причин, по которой девушка заговорила «как родители».

— Меня изменили смерти ребят, — медленно произнесла она, глядя юноше в глаза.

— А нас? А меня?

— На этот вопрос я не могу ответить, Хинус, зато могу сказать, что не предлагаю обо всём забыть. Я предлагаю выдержать паузу.

Попугай важно кивнул головой и поёрзал на жёрдочке.

— Ты знаешь, чем это, скорее всего, закончится, — ответил эрлиец. — Эмоции схлынут, смерти друзей забудутся, ребята вспомнят, что нужно учиться. Или работать. Строить карьеру. В общем, жить. И как-то встраиваться в то, что нас окружает теперь. Мы примем Альянс и успокоимся.

— На это и расчёт.

— Твой?

— Консула.

— А твой? У тебя есть расчёт?

— Свои резоны я тебе высказала: нужно повременить и посмотреть, что будут делать основные игроки — высшие маги, которых Консул изгнал из Города, и поддерживать их. Я думаю, они ждут, когда Консул ослабеет или расслабится, решив, что его карта сыграла и он полностью контролирует Город, после чего нанесут удар. Но при этом ты прав: очень трудно сохранить тот запал, который в нас есть. Но если он настоящий, если мы действительно неприемлем Альянс, то он никуда не денется.

— Внутренняя Агема сделает всё, чтобы его уничтожить.

— Они будут использовать и кнут, и пряник: прессовать всех, кого подозревают в нелояльности, и награждать сдавшихся.

— Ты поэтому заперлась в доме?

— Не только... Но и поэтому тоже.

— Ясно... — Юноша помолчал. — Что мне сказать ребятам?

— Скажи, что я обязательно и очень скоро приеду в «Михельсон».

— Правда? — обрадовался Хинус.

— Даю слово.

— Сколько ждать?

— Постараюсь придумать что-то к завтрашнему вечеру.

— Отлично! — Судя по всему, на большее эрлиец не рассчитывал. — Тогда я пойду?

— Не забудь увезти из-под наших окон свою уродливую тачку, — проскрипел Киви.

— Тебя забыл спросить, чучело. — Хинус помялся. — Я смогу выйти без приключений?

— Сможешь, — рассмеялась девушка, поднимаясь с дивана. — Но на всякий случай я тебя провожу...

Киви хмыкнул, но промолчал. И остался на жёрдочке, изо всех сил изображая чучело, а когда Лиссет вернулась в гостиную, негромко, но очень серьёзно произнёс:

— Скоро он перестанет тебе доверять. И все они тоже.

— Я знаю, — ответила девушка. Она прошла мимо дивана, постояла у окна, вид из которого перестала портить «уродливая тачка» Хинуса, повернулась, но посмотрела не на попугая, а на камин. Посмотрела так, словно подумала его разжечь.

— И что ты будешь делать?

— Думать.

— Это понятно. Но я знаю, о чём ты действительно думаешь.

— Ты слишком болтлив.

— Я слишком умён.

Она захотела бросить ему что-нибудь обидное. Или просто — бросить в птицу чем-нибудь нелёгким, чтобы она заткнулась и перестала говорить то, что Лисс не хотела слышать, но яростный порыв исчез так же быстро, как появился. И девушка грустно улыбнулась, признавая правоту Киви. Который, в отличие от Хинуса, знал о происходящем всё. Ну, или почти всё.

— Ты его не спасёшь, — угрюмо произнёс попугай.

— У меня есть шанс, — ответила Лисс, продолжая разглядывать чёрный зев камина.

- Ты его не спасёшь.
- Если я не попытаюсь, то умру от ненависти к себе.
- Время лечит.

Страшная, страшная фраза, означающая, что однажды она перестанет так искренне, так нежно, так яростно, так чувственно любить Дориана. Он умрёт или сделается другим, а время поможет сгладить трагедию в сентиментальное воспоминание.

— Нет... нет, Киви, время убивает, — чуть твёрже произнесла Лиссет. — Если я не попытаюсь помочь Дориану, то приму то, о чём говорил Хинус: ярость уйдёт, сменившись повседневными делами, мир сожмётся до прагматичной молекулы, и однажды я проснусь верной служанкой Консула. Меня даже переделывать не придётся — я стану как все. Приму то, что есть.

— Великие Дома готовятся к битве. Во всяком случае — Тёмный Двор.

— Если они победят — будет ещё хуже.

— Почему? — изумился Киви.

— Потому что Дориан будет сражаться за Консула, и если Великие Дома одержат победу, он или погибнет, или навсегда останется верным Консулу. И мы... и я думаю, что в этом случае мы не сможем быть вместе. Он станет другим.

— Только в одном, — очень тихо уточнил попугай. — В верности Консулу.

— Он станет другим, — едва слышным эхом повторила девушка.

— И тебя всегда будет это угнетать.

///

Ждала ли она принца на белом коне?

Наверное, в глубине души — да, как все нормальные молодые девушки.

Лиссет знала, что далека от идеала красоты: невысокая, хрупкая, с мальчишеской фигурой, которая вряд ли когда-нибудь обретёт округлую женственность, она была незаметной, но в то же время — очень яркой. Благодаря сверкающему в чёрных глазах огню. Настоящему огню. Умная, весёлая, живая — к Лисс тянулись все, кому по-счастливилось её знать, а что касается принца...

Лисс ждала не столько принца, сколько счастья — простого, но такого важного счастья быть с кем-то рядом. Быть любимой. И любить. Ждала. Надеялась. И совсем не ожидала, что её счастье окажется рыжеволосым рыцарем Дорианом Машаром, одним из высших боевых магов Ордена. Колдуном из другого Великого Дома. Временами враждебного, временами дружественного, но всё равно чужого. А смешанные браки в Тайном Городе не приветствовались — и это ещё мягко сказано. Вынужденные скрывать своё существование от господствующих на Земле челов, потомки древних рас больше всего на свете опасались раствориться среди них и растерять магические способности, которые давала им древняя кровь, и шли на любые ухищрения, чтобы сохранить её в чистоте и при этом не выродиться. Врачи и маги старательно работали над этой непростой задачей, и их усилия давали результат. Но при этом требовалось соблюдать довольно жёсткие правила. Никто не мешал молодым рыцарям волочиться за молодыми ведьмами или развлекаться с челами, однако серьёзные отношения и уж тем более рождение детей приветствовались только между соплеменниками. Разумеется, исключения бывали — любовь не знает расовых предрассудков — однако в Тёмном Дворе, обитатели которого славились сплочённостью и крепкой приверженностью древним принципам, их можно было пересчитать по пальцам. И вот, на тебе... Молодая шаса из хорошей, почтенной семьи, и рыжий командор войны. Между

ними даже интрижки не должно было возникнуть, а получилась любовь.

Тайная.

Тщательно скрываемая.

Настоящая.

И началась она романтично — на карнавале Тёмного Двора, единственном празднике, который устраивали навы и на который, по традиции, приглашали высоких гостей из других Великих Домов. Тот бал не был для Лисс первым, но стал счастливым. Но об этом она узнала не сразу, хотя... почувствовала. Увидела, как смотрит на неё командор войны, как бережно ведёт её в танце — у них был один танец — и как посмотрел ей в глаза, когда музыка закончилась. И им пришлось расстаться. Дориан больше не подходил, не бросал на неё взгляды, не давал повода для шуток или подозрений, но возвращаясь домой, Лисс поняла, что скоро его увидит. И ещё поняла, что хочет его увидеть.

Очень хочет.

Увидеть его.

Лисс не хранила себя специально. Не потому, что была излишне романтичной и ждала единственного, просто ей не хотелось, чтобы первый раз случился из любопытства или вообще впопыхах, пока не вернулись родители, а в памяти осталось лишь сопение и неумелые движения. Не хотелось говорить: «Да, всё было замечательно», не чувствуя ничего, кроме того, что «это» случилось. И ещё больше не хотелось отвечать на вопрос: «Теперь дашь списать домашку?» Лисс мечтала о большем. О настоящих чувствах. Может, это и называется быть романтичной? С другой стороны, если не чувства, то что? Физиология? Сказать себе: «Это просто секс» и попробовать получить удовольствие в следующий раз?

Лисс так не хотела.

И у неё так не получилось.

Наверное, повезло.

Несмотря на всё, что произошло потом, — повезло. Лисс встретила мужчину, который не просто её заметил...

///

— Я его люблю, Киви, понимаешь, люблю. Да, можно сказать, что он — первый мужчина в моей жизни и поэтому я — сейчас — отношусь к нему с таким трепетом, и все эти чувства, такие яркие и острые, однажды исчезнут, и я стану относиться к Дору спокойно, а может, даже хладнокровно... Но я в это не верю. Можешь считать, что я ещё ребёнок, что ошибаюсь и в действительности будет именно так, как я сейчас сказала, можешь так считать и это, наверное, будет правдой, но сейчас я верю в то, что Дор мне нужен навсегда. И я чувствую, вижу в его взглядах, в его улыбке, в том, как он говорит и как прикасается ко мне... в его поступках... я вижу, что нужна ему навсегда. Именно я. Ему. Навсегда. Я люблю его таким, какой он есть. Какой он есть сейчас. И я сделаю всё, чтобы оставить его таким, какой он есть сейчас. Оставить для него... и для себя. Да, Киви — для себя. И мне не стыдно в этом признаваться. Я люблю Дориана, я хочу его спасти, чтобы быть с ним, и ради этого я пойду на что угодно.

Лисс наконец-то оторвала взгляд от камина и посмотрела на попугая.

— Мы пойдём, — тихо сказала птица, глядя девушке в глаза. — Куда ты без меня? — И приподнял гребень, увидев её улыбку. — Но что ты собираешься делать?

— А ты не понимаешь? — Лиссет уселась в кресло, и взгляд её стал жёстким. — Я думала, это очевидно.

— Пойдёшь к ним?

— Дориан в плену. Мне некуда больше идти.

— Будешь умолять?

— Мне есть что им предложить.

— Вопрос не в том, что ты предложишь, — проникновенно произнёс попугай. — Вопрос в том, чего они захотят.

Потому что придёт она. И что бы она ни принесла, цену определит Консул.

— Буду надеяться, что они не потребуют больше, чем я могу дать.

— Они потребуют больше, чем ты собираешься дать. Но столько, сколько ты сможешь.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю с кем ты собираешься иметь дело, — ответил Киви. — И знаю, что ты в уязвимом положении. Они не станут тебя подавлять — для этого они слишком умны, но цену назначат высокую.

Это Лисс понимала хорошо. Но ещё лучше она понимала другое:

— У меня нет выхода.

— Поэтому я прошу тебя подумать над тем, как далеко ты собираешься зайти. — Киви наклонил голову вправо. — И подумать сейчас.

— Сейчас я не чувствую ничего, кроме опустошения и злости, — честно ответила девушка. — Мы втроём, я, Бри и Джера, боролись и... и, наверное, продолжим бороться за правое дело, за то, во что верим, за то, что считаем правильным. И я до сих пор считаю это правильным. Но наша борьба... она получилась разной. С разной платой. Я понимаю, что мы молоды, склонны к импульсивным, необдуманным поступкам, но я не понимаю, почему из-за глупости и самонадеянности Бри должен страдать Дориан. Почему я должна его потерять? Почему всё получилось так, как получилось? — Лисс стукнула кулачком по подлокотнику. — Чего молчишь?

— Хочу посоветовать тебе не торопиться что-то предпринимать до тех пор, пока злость на Бри не станет столь яркой, — ответил Киви. — Выбираю время.

Несколько секунд девушка пронзительно смотрела на птицу, а затем холодным и очень обдуманном тоном ответила:

— Не станет.

— Уверена?

— До тех пор, пока что-то не изменится. Я не могу спокойно думать о том, что из-за Бри потеряла любимого. И совсем не могу не думать о том, что может быть сейчас, вот прямо сейчас Консул читает Дориану «слово князя», меняя его суть и превращая в послушную марионетку.

— Сейчас не читает.

— Почему? — удивилась шаса.

— Потому что Консул не знает, что делать с командором Машаром, — объяснил попугай. — Твой друг был слишком яркой и заметной фигурой во Внутренней Агеме, поэтому Консул будет долго думать и просчитывать все возможные варианты выхода из этого скандала. Так что время у тебя есть.

— Да, время есть, но это не важно, потому что рано или поздно Дор услышит «слово князя».

— Скорее всего, — согласился Киви.

— А значит, я должна сделать всё, чтобы выбраться из задницы, в которой оказалась благодаря мерзавке Бри, и спасти моего мужчину.

Окрестности Санкт-Петербурга

«Если бы некромантия существовала, я была бы некромантом... Или некроманткой? Как правильно в данном случае? Допустим ли модный современный феминитив для обозначения того, кем я, по сути, являюсь? А если допустим, то зачем? Нравится ли мне быть некроманткой? Ничего особенно хорошего в этом нет, да и звучит дико, хоть и по-современному модно. А нравит-

ся ли мне быть некромантом? Слово мужское, конечно, зато привычное и ухо не режет. «Здравствуйте, я — некромант». Я — некромант? Или всё-таки нет? Я ведь не оживляю трупы, не поднимаю их из могил, чтобы превратить в послушных рабов, а всего лишь забираю у мёртвых самое мёртвое, что они могут дать. Потому что единственное, что способны дать мёртвые, — это мёртвое, потому что единственное, что они способны дать, — это себя, а они целиком состоят из мёртвого... И во мне оно есть... Получается, я и сама труп... Или трупка?»

Марина Брич, которую в Тайном Городе знали под именем Бри, хохотнула и зябко передёрнула плечами. Нет, не от холода, хотя ночь в Санкт-Петербурге выдалась прохладной и влажный воздух с залива то и дело норовил пробраться под куртку. Резкий жест был нервным, отчётливо продемонстрировавшим дёрганое состояние девушки.

Разброд внутри, разброд снаружи...

И никакой уверенности в том, что будет завтра.

— Долго ещё? — грубовато осведомилась Марина.

— Осталось чуть-чуть, хозяйка, — отозвался Джузи, не прекращая копать.

— И осторожнее с образцами.

— Я всегда осторожен, хозяйка.

Бри это знала, поскольку они с Джузи не в первый раз занимались этим неблагоприятным делом, однако нервное состояние заставляло девушку не только дёргаться, но и говорить ненужное. А поняв, что говорит ненужное, Марина разозлилась — на себя, — но, чтобы не потерять лицо, резко бросила:

— Спорить со мной решил? — голос почти сорвался на визг.

— Нет, хозяйка, — с прежним спокойствием ответил Джузи.

— Будь осторожнее с образцами!

— Да, хозяйка.

А что он ещё мог ответить?

Компанию девушке составлял здоровенный, около семи футов ростом, человекообразный голем, которого даже некоторые жители Тайного Города принимали за необыкновенно высокого и плотного чела. В действительности существо было искусственным, созданным по уникальной, неизвестной магам Великих Домов технологии, делавшей голема мощнее всех известных «кукол». А находились они с девушкой на старом, почти заброшенном кладбище, расположенном примерно в тридцати милях от городской черты, в стороне от дорог и поселений — Марине требовался именно такой погост: без лишних глаз. Сейчас она стояла под деревом и наблюдала за тем, как Джузи раскапывает первую могилу из шести намеченных. Старую, очень старую могилу, поскольку молодой ведьме требовались древние кости.

— Есть, — сообщил голем, когда лопата стукнулась в кость.

— Да не докладывай, дубина, а начинай собирать.

— Да, хозяйка.

Джузи распаковал плотный пластиковый мешок и принялся аккуратно, руками, вытаскивать из земли останки. Справлялся он быстро, но Бри всё равно казалось, что голем еле возится: за пятнадцать минут вскрыл всего лишь одну могилу — каков бездельник! Марине хотелось закончить их дело поскорее, несмотря на то, что раньше, даже когда они оскверняли кладбище в центре Тайного Города — специально, чтобы нагадить Консулу, — она не торопилась и спокойно ждала окончания работы. С другой стороны, раньше она не чувствовала себя так... странно.

Именно странно, поскольку определить свои переживания девушка пока не могла.

Это чувство накрыло её не сейчас, а много раньше, несколько дней назад, после того, как магический заряд фон Даба вдребезги разнёс защищённый по высшему классу внедорожник и Бри очнулась, насквозь пробитая металлическим штырём. Очнулась, чтобы умереть... Нет, тогда она ещё не чувствовала себя странно. Тогда она ощущала себя вопящей болью. Чудовищным страхом смерти. И снова болью. Тогда она растворялась в ужасных мучениях и была готова на всё, чтобы выжить.

И услышав голос, пообещавший ей чудесное спасение, сделала так, как он велел...

«Чей же это был голос?»

Девушка выжила. Совершила чудо и выжила. Но с тех пор чувствовала себя... странно. Что и влияло на её настроение.

Хотя внешне ничего не изменилось.

Абсолютно ничего.

Раны исцелились, не оставив ни шрамов, ни иных повреждений, и Бри вновь прекрасно выглядела. Так, как привыкла: женственная фигура с приятными округлостями и заметной грудью, но при этом — по-спортивному подтянутая, стройная. К тому же Марина всегда держалась прямо, гордо расправив плечи, отчего казалась особенно высокой. Ведь гордость делает выше. Длинные тёмно-каштановые волосы сейчас были стянуты в тугую косу, но когда Бри их распускала, волновались прекрасными кудрями. Завершали картину большие голубые глаза, припухлые, чётко вырезанные губы и маленький носик. Бри привлекала внимание и хорошо понимала силу своего очарования.

Впрочем, сейчас применять его было не на ком.

Одевалась же Марина в чёрное: джинсы, футболка, куртка, кроссовки — все вещи были одного цвета и не только потому, что ей предстоял ночной визит на клад-

бище. Просто в последнее время девушка полюбила чёрное...

— Первый готов, хозяйка. — Джузи выбрался из ямы и аккуратно положил к ногам Марины мешок с костями.

Ответа дожидаться не стал: развернулся и отправился закапывать могилу. Но Бри всё равно кивнула — машинально — и перевела взгляд на мешок.

Старые кости. Мёртвое, которое было живым, но снова стало мёртвым, а значит — мертвее мёртвого. Ничто, в котором побывало нечто, но затем покинуло его. Тёмная материя... Точнее, её заменитель. Древние кости лежали в основе уникальной техники Бри, которую она изучила в «Тёмных церемониях», они будут измельчены в пыль, наполнятся уникальной силой её Слова и послужат...

«Чему послужат?»

Девушка вновь дёрнула плечами.

Не в этом ли таится странность её ощущений и постоянные смены настроения? Не потому ли она нервничает, что не знает, куда применить свою колоссальную силу? Точнее, силу, которая кажется колоссальной и должна таковой быть, но все её секреты Марина ещё не раскрыла. Но даже то, до чего девушка добралась, поразило воображение. Невиданные возможности обещали невероятные перспективы, однако осознать их Бри ещё не могла и потому до недавнего времени действовала по очень простой схеме: есть очевидный враг — Консул, и его необходимо снести, поскольку ненависть к нему была столь велика, что сводило скулы...

«Была?»

Марина неожиданно поняла, что использовала прошедшее время, вздрогнула и вновь дёрнула плечами. Обхватила их руками, словно уговаривая больше не подводить, и закусила губу.

Сохранилась ли в ней ненависть? Тот безумно яркий флаг, под которым она шла всё последнее время? Или

безумный и яркий? Каким был флаг, когда всё было очень понятно: есть злодей, которого обязательно нужно убить, потому что из-за него, из-за того, что он перевернул Тайный Город, Бри потеряла любимых близких и была вынуждена обратиться к очень страшной и очень древней книге «Тёмные церемонии»; есть подруги, полностью разделяющие её убеждения и рядом с которыми она сражается, рискуя собой...

«В этой битве я потеряла больше всех».

Но сначала — приобрела.

Бри отдавала себе отчёт в том, что ярость и желание отомстить завели её намного дальше Лисс и Джиры. Старинная даже по меркам Тайного Города книга подарила девушке невероятную власть, но что забрала взамен? Чем пришлось заплатить? Марина догадывалась чем. Точнее, она точно знала, чем заплатила, но гнала от себя эту мысль. Гнала или переводила в шутку, потому что ещё не готова была её принять. Принять себя новую, себя, получившуюся после того, как книга забрала свою цену. Кроме того, за «Тёмными церемониями» охотился Консул и будет охотиться любой Великий Дом, если или когда его иерархи узнают, какая драгоценность оказалась в руках юной полукровки. И никого не смутит, что книга потребует плату, поскольку предлагаемое ею могущество способно ослепить кого угодно.

Невероятное могущество.

В результате Марина стала дважды дичью: и как член Сопrotивления, и как обладательница «Тёмных церемоний», и не могла никому доверять. Поэтому сказала подругам, что спрячется в Подмоскoвье, а сама уехала в Питер. Ей требовалось время, чтобы решить, что делать дальше.

— Второй.

Задумавшись, девушка не заметила, что голем закопал первую могилу, вскрыл и опустошил следующую.

Вздрыгнула, услышав голос Джужи, но ругаться не стала, просто кивнула:

— Молодец, — и потрогала носком добычу.

— Спасибо, хозяйка.

Второй мешок оказался почти вдвое объёмистее предыдущего, но костей всё равно было меньше, чем требовалось: Марина хотела сделать большой запас, чтобы подольше не ходить на кладбища.

— Продолжай.

— Да, хозяйка.

Джужи отправился «на работу», а девушка, неожиданно для самой себя, испытала прилив необычайно тёплых чувств к этому существу. Искусственному, но верному. Да, голем не мог не быть лояльным владельцу — создавшие его мозг эрлийцы гарантировали полное послушание во время всего срока службы, однако в какой-то момент искусственная суть «куклы» становилась неважной. Потому что когда Бри, беспомощная, орущая от невыносимой боли, истекала кровью на московской улице, фон Даб не добил её только потому, что Джужи бросился в атаку. И не просто бросился, а провалился вместе с рыцарем в «дырку жизни» — спасительный портал в Московскую обитель, и там добил врага. На глазах изумлённых эрлийцев. При этом эрлийцам подсказали, кому служит Джужи, и они не выдали его чудам, а позволили скрыться. Оставшись якобы нейтральными. Ну а то, что голему подсказали, где искать хозяйку, так это не они, а другие вассалы Тёмного Двора — шасы. Которым тоже кто-то позвонил...

Как бы там ни было, Джужи вернулся, чему Бри была очень и очень рада.

Марина посмотрела на часы, на мгновение отвлёкшись от окружающего, и всё, что произошло впоследствии, стало результатом мгновенной потери внимания. Мимо резко пролетела сова. Просто пролетела, не соби-

раясь атаковать и даже крылом не коснулась девушки, но заложила такой вираж, что воздух резанул по лицу Бри и она машинально защитилась: дотянулась до птицы тьмой, схватила её и чуть сжала. Раздался испуганный крик.

«Тьмой? Или ничем? Что происходит?»

Марина пока не могла ответить на этот вопрос. Новое умение пришло внезапно и сразу стало привычным. Она держала перепуганную сову на расстоянии в десять ярдов и могла без труда убить. Знала, что может сдавить ночную охотницу крепко-крепко, так, что захрустят и вылезут наружу кости, а кровь прольётся на ничто, которым Бри держала сову, но не сможет его испачкать.

И ещё она знала... нет, об этом она не знала — это Марина почувствовала, что может не только сдавить птицу, но впустить в неё ничто. Смешать живое с мёртвым, чтобы получить...

Бри тряхнула головой и разжала хват. Птица стремительно полетела прочь, и, слушая суматошное хлопанье крыльев, девушка задала себе грустный вопрос:

«Да кем же я, чёрт побери, стала?»

*Складской комплекс «Кумар Карго Экспресс»
Москва, улица Левобережная*

— Великим фюрером?! — недоверчиво переспросил Штыпсель.

— Великим фюрером! — с энтузиазмом подтвердил Урбек Кумар, крупнейший в Тайном Городе скупщик краденого и солидный предприниматель во всём остальном.

— Вы как его выбираете?

— По итогам перестрелки, — сообщил уйбуй. — Только с Кувалдой давно никто перестреливаться не хочет — себе дороже получится.

— Стреляет хорошо?

— Вешает много.

— Разумный подход, — оценил барыга. — Но я думаю, главным имеет смысл назначать того, кто денег больше приносит.

Урбек Кумар был шасом, выходцем из древней и очень уважаемой семьи Шась, подданных Тёмного Двора, которые смотрели на мир через совсем не розовые очки получения прибыли и прочих экономических выгод, а потом уже всё остальное. А его собеседником выступал уйбуй, то есть десятник, Штыпсель из диковатого и непредсказуемого семейства Красных Шапок, промышленяющего воровством и грабежами, поскольку ни к чему прочему приспособлено не было, а барыжить наркотой Великие Дома категорически запрещали. Кроме того, примитивные мозги Красных Шапок способны были функционировать лишь при достаточном содержании в организме алкоголя — лучше всего подходил виски, — поэтому их постоянно окутывал лёгкий аромат принятого препарата... или последствий вчерашнего принятия. Однако на перегар Урбек давно перестал обращать внимание — привык.

— Если ты деньги приносишь, но никого не вешаешь или стреляешь плохо, то деньги у тебя отнимут и велют принести ещё, — с нетрезвой рассудительностью ответил Штыпсель и сделал большой глоток из карманной фляжки.

— То есть деньги тебе не нужны? — мгновенно сориентировался шас, который всё ещё не расплатился с дикарём за пригнанную на склад фуру с автомобильными запчастями.

— Я стреляю хорошо, — хмыкнул Штыпсель. И вернулся к делам: — Давай, короче, баблосы, и я поехал.

Он происходил из клана Дуричей, поэтому старался всё всегда решать поскорее — чтобы не забыть.

— И не хочешь узнать, что я предлагаю?

— Если за мои деньги, то не хочу.

Кумар усмехнулся и подумал, что виски по утрам бывает полезен. Не всем генетическим статусам, конечно, но бывает. Платить за фуру он не хотел не из жадности — с оговоренной суммой шас всегда расставался точно и в срок, — а потому что боялся, что получившие наличные дикари отпразднуют успех с таким старанием, что их мозги потребуют перезагрузки, а дело, которое он хотел предложить Штыпселю, было срочным и предложить его — так уж получилось — барыга никому не мог. Мог бы сделать сам, конечно, но принципиально не принимал участия в преступлениях. Только в демократических выборах. И то — однажды. Ну, неважно...

— Выдам я тебе деньги, выдам, вот, видишь — при мне они. — Кумар извлёк из внутреннего кармана внушительную «котлету» крупных купюр и помахал ею перед носом уйбуя.

— Они все мои? — обрадовался Штыпсель.

— Ну, не все, конечно, но твои.

— Тогда зачем показываешь?

— Чтобы ты понял, что они у меня есть.

— Я и так знаю, что они у тебя есть, — вздохнул дикарь. — А у меня пока нет.

— А хочешь, чтобы их у тебя стало намного больше? — осведомился шас, медленно, очень медленно отсчитывая купюры.

— Насколько больше? — осведомился Шапка, внимательно, очень внимательно следя за манипуляциями барыги. Считать дикарь умел не очень хорошо, потому внутренне радовался неспешности Урбека, параллельно прикидывая, сколько ящиков виски можно будет купить на такое богатство.

— Настолько, что в карман не поместятся.

— Тогда их кто-нибудь увидит и попробует отнять, — вздохнул уйбуй. — Да и карманов у меня не очень, в них совсем мало не поместится.

И с грустью оглядел себя в отражении стеклянной двери — чтобы лишний раз не проветривать помещение, Кумар дикарей в офис не пускал, во дворе общался.

Что же касается карманов, то в этом Штыпсель был абсолютно прав: помещалось в них мало.

В одежде дикари считались консерваторами, отдавая предпочтение древней моде Западных лесов: кожаные штаны, жилеты или куртки и обязательные красные банданы на лысых головах. Волосы у Шапок не росли, и, возможно, поэтому они являлись большими поклонниками татуировок, украшая свои тела таким количеством рисунков, что казались одетыми, даже когда такими не были.

А может, их просто тянуло к прекрасному.

Как к виски...

— Долю, которую я тебе предлагаю, по карманам точно не распихаешь, — продолжил Урбек, отсчитав примерно половину платы за фуру. — В сумках тащить придётся.

— В сумке? — переспросил Штыпсель.

— В сумках, — повторил Кумар. — В одну не поместится.

— Даже в большую?

— Даже в большую. — Урбек приостановил отсчёт и посмотрел на дикаря: — Нужно чела одного распотрошить.

— У нас ятаганы острые, — осклабился уйбуй.

— В переносном смысле, — уточнил шас. — Нужно вытащить из его квартиры примерно две-три тонны...

— Мы что, грузчики? — обиделся Штыпсель.

— Две-три тонны денег, — закончил Урбек. И мило улыбнулся: — Теперь ты понимаешь, что в одну сумку твоя доля не поместится?

Уйбуй захлопнул рот и покивал, разглядывая шаса выпученными глазами.

Окрестности и Санкт-Петербурга

— Они одну могилу не зарыли, дальнюю самую. То ли поленились, то ли забыли. Мы потому и узнали, что здесь случилось.

Директором старого погоста, затерянного в лесах Ленинградской области, оказалась полная улыбчивая женщина с крашеными, стянутыми в тугий узел волосами. То есть она работала руководителем другого кладбища, действующего, находящегося милях в пяти к востоку, а это, почти заброшенное, ей выдали «в нагрузку», потому что по правилам кто-то должен за ним приглядывать. Оделась она по погоде: джинсы, футболка и лёгкая ветровка. А поскольку пару часов назад прошёл сильный дождь, обуться директор предпочла в короткие резиновые сапоги, вид которых вызывал у Гранни жгучую зависть, потому что её красивые и дорогие кроссовки, прекрасно подходящие к сухому дню в городе, оказались абсолютно не приспособлены для путешествия по размокшим дорожкам загородного кладбища. Девушка так сильно промочила ноги, что пришлось «подсушить» их с помощью магии.

Гранни представилась офицером ФСБ, предъявив изготовленные умельцами Тайного Города документы, и потому директор вела себя с девушкой весьма предупредительно и рассказывала о случившемся максимально подробно.

— Михалыч рано утром явился с проверкой, смотрит — а тут такое. Он полицию вызывать. Хорошо, что

дождя тогда ещё не было и можно было всё осмотреть спокойно. Полиция приехала, стала тут всё изучать, а потом тот из них, который эксперт, и говорит: «А вы в курсе, что вскрывали не одну могилу?» И следы показывает разные. С виду всё вроде в порядке, а если приглядеться, так сразу видно, что могила разрыта, а потом аккуратно заделана. Шесть могил, получается, вскрывали. То есть, если бы они про эту не забыли, никто бы ничего и не заметил. Михалыч ведь не пристально всё тут разглядывал, если честно, а так, прошёлся быстро и на работу... Потом бы дождь всё сгладил — и привет: преступления как не бывало.

— Спасибо, что вовремя сообщили, — пробормотала Гранни.

— Так ведь нас предупредили, — рассказала директор. — Три дня назад ещё из полиции звонили и сказали, что участились случаи вандализма и нужно сразу же сообщать, чтобы скорее поймать злоумышленников. Я поэтому и велела Михалычу каждое утро сюда заезжать. Он недалеко живёт, ему удобно. Поворчал, но послушался. И видите — не зря.

— Не зря, — кивнула Гранни. — Но, к сожалению, далеко не все исполняют просьбы полиции так, как нужно.

— Это я понимаю, но я не из таких.

— И за это — спасибо.

Использовать человеческую полицию, чтобы проследить за состоянием кладбищ, Гранни придумала сразу после погрома, устроенного на московском Преображенском кладбище. Точнее, после того, как девушка поняла, что Консул очень серьёзно воспринял осквернение могил и жаждет поговорить с тем, кому зачем-то понадобились древние кости. О том, что этим «кем-то» была Бри, в то время Внутренняя Агема ещё не знала. Со слов Консула Гранни поняла, что кости таинственному вандалу требу-

ются регулярно, и предложила устроить шумиху в прессе по поводу разгрома Преображенского и так заставить человеческую полицию шевелиться. Консул идею одобрил, сегодня она принесла результат, и Гранни точно знала, что Марина Брич в Санкт-Петербурге.

Ну... скорее всего, в Санкт-Петербурге.

Могила, о которой шла речь, находилась в дальнем от ворот углу, у покосившейся ограды, в тени деревьев, и действительно было очень похоже, что о ней просто-напросто позабыли, заторопившись покинуть кладбище. При этом напрочь отсутствовали какие-либо признаки погрома, в отличие от Преображенского кладбища, фото и видео с которого Гранни внимательно изучила. В Москве случился именно погром: с развороченными оградами и разбитыми памятниками, здесь же могильный камень аккуратно вынут и отставлен в сторону, яма ровная, земля не разбросана, а свалена кучей, чтобы удобнее было закапывать. Остальные могилы, на которые указала директор, и вовсе выглядели абсолютно целыми, нетронутыми, и тот факт, что их раскапывали, скорее всего, постарались скрыть с помощью магии. Скорее всего — потому что восстановить прежний облик с такой достоверностью без неё невозможно, однако Гранни, как ни старалась, не уловила следов возмущения магического поля.

Следы раскопа на пяти могилах были убраны идеально, а последняя осталась выставленной напоказ... Бри забыла вернуть его в исходное состояние или сделала это специально? Как в Москве?

«Вряд ли она поступила так нарочно. Бри не дура и уже должна была понять, к чему приводит детское желание дерзко заявить о себе. Скорее всего забыла. Что тоже неплохо...»

Оба варианта неплохи. И совершенно неважно, почему Бри оставила могилу разрытой: чтобы показать